

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 80,

ПОЛКА 6,

№ 9.

198

7-2

ДИКІЙ
ЧЕЛОВѢКЪ,
СМѢЮЩІЙСЯ
учености и нравамъ
нынѣшняго свѣта.

Истѣна Голыйсе

Издано П. Богдановичемъ.

Печатано въ вольной типографіи
у Шнора. Въ С. Петербургѣ 1781.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1910

1910

1910

1910

1910

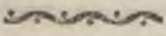
1910

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Персіяне, Евреи, Китайцы, Индѣйцы, Греки, угрюмые Англичане довольствующіися быть зрителями другихъ, французы писатели по своему сложенію, филозофы прѣмлющіе иногда и самыя противорѣчія за основаніе своего умствованія, стихотворцы и всякаго рода ученые писали намъ и повседневно лишутъ исторію своихъ мыслей, то есть исторію заблужденій и противорѣчій разума человѣческаго. Всѣ они показываютъ намъ свѣтъ не таковымъ, каковой

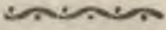
)(

есть

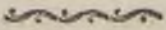
есть оной въ самомъ дѣлѣ,
но таковымъ, каковымъ пред-
ставляется воображенію ка-
ждаго. Одинъ изображаетъ
оной иногда самыми грубы-
ми, а иногда самыми нѣж-
ными красками, другій какъ
въ краскѣ такъ и въ рисункѣ
погрѣшаетъ. Всякій дѣла-
етъ по своему, а никто не
слѣдуетъ прямо природѣ.

Не токмо каждый взи-
раетъ особливымъ образомъ
на предстоящія ему вещи и
различно объ оныхъ разсуж-
даетъ; но и самые предмѣты
кажутся намъ столь разно-
видными и столь разнообра-
зными и потому раждаютъ
въ

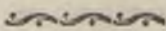
въ насъ столь противныя
чувствія, что мы не иначе
какъ съ трелетомъ должны
размышлять и о тѣхъ ве-
щахъ, кои представляются
намъ въ самомъ простѣй-
шемъ видѣ.

Разумъ есть такое су-
щество, о которомъ всякъ
говоритъ, но никто ничего
не знаетъ. Оной приводитъ
въ заблужденіе тѣхъ, кои на-
мѣреваются свойство его из-
слѣдовать и почитаютъ оное,
за дѣйствіе и причину всего
когда не бываетъ предводи-
тельствуемъ нѣкоторою ве-
щью превышающею самой
разумъ, которой сравнить
можно

можно съ тѣми огневидными лапами, кои путешественникъ видитъ въ ночное время, и которые представляя ему обманчивой свѣтъ, нечувствительно съ пути его сбиваютъ и къ пропастямъ приводятъ.

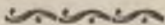
Оной есть младенецъ обманывающій своихъ путеводителей и послѣ имъ посмѣвающійся. Самые великіе философы по большей части были токмо суемудрые люди; мужи самые глубокомысленные сомнѣвались о всемъ даже и о собственномъ своемъ существованіи, а люди въ лисьмословіи искусные, художники

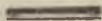
дожники славные и всѣ тѣ,
кои разумнѣйшимъ образомъ
изъясняли и описывали чув-
ства, не всегда имѣли чув-
ствительныя сердца.

Но если разумъ обманыва-
етъ насъ безпрестанно,
если оной подверженъ безчи-
сленнымъ заблужденіямъ; то
какое понятіе должны мы
имѣть о обитаемомъ нами
мірѣ, съ какими чувствован-
іями должны мы взирать
на оной и какія чувствія ро-
дились бы въ томъ человѣкѣ,
который въ первый разъ уви-
дѣлъ бы свѣтъ въ такомъ
возрастѣ, въ которомъ дру-
гіе готовятся оной оста-
вить.

Таки ми

Такими мыслями упражненъ я былъ въ то время, когда начертавалъ сіи изслѣдованія, въ которыхъ читатель увидитъ, что если разумъ насъ иногда обманываетъ, то чувства не обманываютъ никогда и если оныя не показываютъ причины всему, то по крайней мѣрѣ научаютъ насъ сомнѣваться.

Дикій человѣкъ, скитавшійся
въ однихъ токмо лѣсахъ и пу-
спыняхъ, именемъ *Ацемъ*, возна-
мѣрившись обозрѣть всѣ разли-
чные народы, обитающіе на семъ
маломъ земномъ шарѣ, пришелъ
нѣкогда, забавляясь звѣриною ло-
влею, въ столицу самаго просвѣ-
щеннѣйшаго государства. Тутъ
всякъ ему сперва дивился, и
между тѣмъ, какъ одни смѣялись
сложенію его тѣла, другіе со

А

удив-

удивленіемъ на него взирали, а шретиѣ съ исполненными слезъ очами вопили, возможно ли, что бы естество положило таковое различіе между людьми? Для чего всѣ они мнѣ такъ удивляются? размышляя *Ацемъ*, и для чего я въ однихъ смѣхъ, а въ другихъ плачь причиняю? Прикрывающая наготу мою звѣриная кожа хопи и не выдѣлана руками человѣческими, однако оная такая же, каковую и всѣ употребляютъ, съ тѣмъ токмо различіемъ, что отъ выдѣланной нѣсколько различной видъ имѣетъ. У однихъ плащѣ назади подобрано, а подъ рукою треугольная шапка, у другихъ же напрошиву того волочится съзади, шапка съ верьху четверугольная, а съ низу круглая; но въ самомъ дѣлѣ, развѣ то уже не плащъ и не шапка?

Между

Между тѣмъ, какъ онъ такимъ образомъ разсуждалъ, день началъ уклоняться и ночь наступала; и сіе принудило его просить о страннопріимствѣ; но какъ онъ не зналъ тамошняго языка, то всякъ объ немъ думалъ, что говорилъ по Еврейски; по чему и почли его за скрытнаго вора, и хопѣли было уже тащить подъ караулъ; однако по щастію его одинъ философъ возвращаясь изъ нѣкоего мѣста, гдѣ онъ спорилъ съ другимъ о врожденныхъ понятіяхъ, прошелъ мимо, и увидѣвъ его, взялъ съ собою. Въ короткое время помощію академическаго лексикона, научилъ онъ его, сколько могъ тамошнему языку. И когда *Ацемъ* приобрѣлъ довольно уже объ ономъ свѣденіе, то спросилъ его философъ, о чемъ онъ до сего времени мыслилъ? О томъ же, о чемъ и нынѣ; ибо всѣ ваши

книги ничему новому меня не научили. А о чемъ ты теперь думаешь сказалъ философъ? о томъ отвѣщствовалъ *Ацель*, что между вашимъ просвѣщеннымъ и науками украшеннымъ разумомъ, и моимъ тьмою невѣжества помраченнымъ, и только что изблѣсу вышедшимъ, различіе не столь велико, какъ вы себѣ воображаете. На примѣръ я всегда думалъ, что солнце вокругъ земли обращается, и сіе мнѣ чудно и удивительно казалось; вы же напрошиву того учите меня, что земля слѣдовательно и мы вершимся около ничего въ самой срединѣ пустыни. Сіе мнѣніе кажется мнѣ простѣе и естественнѣе, но не меньше чудно и не меньше удивительно: вотъ какое различіе между вашимъ и моимъ разумомъ; но ни вы, ни я во вѣки не познаемъ что есть солнце, земля, и мы сами. Вашъ разумъ,
равно

равно какъ и мой всегда будетъ заблуждаться, когда токмо захочетъ сравнивать пылинку съ ничтожествомъ, безконечностію, вѣчностію и проч. вопль въ чемъ уподобляемся мы другъ другу. Такое понятіе о подобіи вашего разума съ моимъ вродено ли мнѣ или нѣтъ, до того мнѣ нѣтъ нужды; я токмо за подлинно знаю, что чувства мои съ понятіемъ имѣютъ весьма малое соотвѣстствіе. Разговаривая такимъ образомъ повелъ нашъ филозофъ *Ацема* въ театръ, гдѣ представляли тогда новаго сочиненія трагедію, въ которой нѣкая королева безпокоясь чрезмерно о сынѣ своемъ непрестанно проливала слезы: она опасалась, чтобы сынъ ея, коего она принуждена была препоручить въ попеченіе одному изъ своихъ подданныхъ, заказавъ объявлять ему о природѣ и достоинствѣ

его, не впалъ бы въ руки убійцы, посягнувшаго на жизнь ея супруга, и чтобы онъ для утвержденія себя на пресполѣ, не лишилъ и его жизни. Молодой чужестранецъ жившій въ однихъ токмо лѣсахъ подобно *Агему*, приведенъ былъ предъ нее, и обвиненъ въ убіеніи ея сына; она спремится пронзить его кинжаломъ изъ собственннхъ своихъ рукъ; но вдругъ приходитъ человекъ и удерживаетъ ея руку; потомъ же коего она смерти предать хотѣла, былъ самой ея сынъ: потомъ приходитъ самъ злодѣй, удивляется, что ударъ не совершился; сомнѣвается о причинѣ удержавшей ее отъ сего намѣренія; но сомнѣніе его скоро исчезаетъ и онъ нудитъ королеву вступить съ нимъ въ бракъ и обѣщаетъ признать сына ея за своего роднаго; сынъ слѣдуетъ въ храмъ за ними, но для того

ток-

шпокло, чтобы жертвеннымъ ножемъ поразить шпирана и отмстить смерть своего родителя.

О небо! вскричалъ *Ацемъ*, по окончаніи представленія, что заставляетъ людей говорить такимъ образомъ, и въ которомъ краю свѣта обитаетъ вливающее въ нихъ такія мысли существо? Всѣ съ восхищеніемъ похваляли сіе печальное позорище. Люди, коихъ называютъ остроумными, собрались толпами, чтобы учинить на оное критику; но то, чему одни удивлялись, другіе находили несноснымъ. *Ацемъ* сказалъ: о! сколь глупая тварь, на свѣтѣ разумный человекъ, и опхотя опшуда изъяснилъ чрезмѣрное желаніе видѣть сочинителя. Мы тебя къ нему поведемъ, сказали ему зрители, но прежде надобно знашь что такое есть сочи-

тель, и для того, пойдемъ сперва къ славному живописцу. Они туда пошли, и *Ацемъ* не могъ довольно надивиться красотъ находящихся тамъ самой превосходнѣйшей работы картинъ. Но примѣтивъ потомъ, что онѣ безпорядочно разсѣяны были, и что въ иномъ мѣстѣ стояла Богоматерь подлѣ Венеры, въ другомъ изображеніе потопа съ изображеніемъ баснословныхъ исполиновъ; одна поставлена въ хорошихъ рамахъ и въ самомъ лучшемъ мѣстѣ, а другая брошена была на сполъ. *Ацемъ* спросилъ живописца, не такъ ли содержаніе сихъ картинъ расположено и въ его головѣ, и не такъ ли онѣ и въ мысляхъ своихъ смѣшиваетъ исторію съ баснословіемъ и святыню со свѣтскими дѣлами; удивленный его вопросомъ, не зналъ что на сіе отвѣщать.

Ацемъ

Ацемъ вышелъ отъ живописца будучи весьма доволенъ работою его, а не разумомъ. Вотъ, что есть сочинитель, сказалъ ему нашъ философъ, который его ни на часъ не покидалъ; онъ есть такой человекъ, который съ жаромъ пишетъ, и смѣшиваетъ въ одномъ сочиненіи всевысочайшее существо съ баснословными богами; который все исторіи почитаетъ за сказки, а сказки сочиняетъ самъ вмѣсто истинныхъ повѣстей. Ахъ! сколь онъ несмысленъ, вскричалъ *Ацемъ* нѣмъ, я уже его и видѣть болѣе не желаю. Оттуда пошли они въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда люди всякаго званія, и такіе, кои никакого не имѣютъ, собираются разсуждать о всѣхъ владѣтеляхъ, и о всѣхъ людяхъ, кои были, кои суть и кои впредь будутъ. Сіе шумное собраніе, раздѣлено было на разные большіе

круги , окрестѣ коихѣ находи-
лись по сторонамѣ другіе мень-
шіе. Въ каждомѣ полчищѣ было
по одному начальнику, которые
спорили о всякомѣ предмѣтѣ, о
какомѣ токмо ихѣ не вопрошали.
Тутѣ ни о чемѣ болѣе не говори-
ли, какѣ о божествѣ, о народахѣ,
о правленіяхѣ, о законахѣ, о вой-
нѣ, о государственныхѣ дохо-
дахѣ, о торговлѣ, о наукахѣ, о
художествахѣ и сему подобномѣ.
Сперва не внятной токмо шумѣ,
поразилѣ ихѣ слухѣ; но подошедѣ
ближе, слышали они все, что
тамѣ ни было говорено. *Ацемѣ*
слушалѣ съ великимѣ вниманіемѣ,
какѣ такой человекѣ, для коего
все новымѣ кажется, которой
желаетѣ научиться, и старает-
ся разогнать сомнѣнія раждаю-
щіяся въ его душѣ и познать
причину колеблющихѣ оную чув-
ствованій. Въ свѣтѣ находятся
два рода филозофіи; одна съ са-
маго

маго начала представляетъ вещи разуму такъ, какъ будто бы оной всегда ихъ видѣлъ; а другая напротиву того дѣлаетъ, что онъ всегда смотритъ на вещи такъ, какъ будто бы въ первой разъ оныя увидѣлъ. Сіи два рода филозофіи, чувствами постигаемой и просвѣщаемой разсудкомъ, приводятъ разумъ на путь истинны; отсюда такъ же начинается и путь въ заблужденіе ведущій, а именно когда привычка на все взирать безъ размысленія, предразсужденіе и страсти, сокрываютъ отъ него путь, коего онъ держаться долженъ. Въ таковомъ состояніи находился *Ацель*, когда приблизился ко кругу знаній человѣческихъ; онъ еще не былъ ни на пути истинны, ни на пути заблужденія. Множество великихъ умовъ весьма сильно воспламененныхъ, токмо не любовью къ истинѣ,

истиннѣ, уже издавна не были между собою согласны, и спорили съ великимъ жаромъ о разныхъ предмѣтахъ. „Нѣтъ Бога, говорилъ одинъ изъ нихъ; а если бы онъ и существовалъ, то былъ бы несправедливъ; все произвелъ случай. Огнь пополяетъ землю и обращаетъ оную въ пепелъ; наводненія ее опустошаютъ, суровость воздуха покрываетъ изпещренное ея чело льдомъ, и обнаживъ ее разпространяетъ всюду по ней печаль и скуку, оспорируемую скопиною у человѣка; люди вооруженные огнемъ и мечемъ презирая вѣтры, вихри и бури преплываютъ самые океаны, отъ одного полюса къ другому, дабы шокмо обогреть землю кровію своего племени: животное должно не обходимо для сохраненія жизни своей и для подкрѣпленія бытія своего изпретблять другія существа; но человекъ

ловѣкъ несравненно еще злополучнѣе, ибо онѣ не шокмо не могѣ бы наслаждаться долговременною жизнію, но принужденѣ бы былѣ при самомѣ своемѣ рожденіи оной лишиться, если бы не убивалѣ другихѣ животныхѣ и не содиралѣ съ нихѣ кожи для прикрытія наготы своего тѣла, и если бы не покоился на ихѣ волосахѣ, шерсти, перьяхѣ и пухѣ. Горделивыя и возвѣщающія величество и слабостѣ человѣческую зданія, воздвигнушыя людьми для защищенія своего отѣ суровости стихій, споили великаго иждивенія и жизни многимѣ нещаснымѣ; другіе же для того токмо избѣгнули опасности, что бы остатокѣ плачевной жизни своей провождать въ мученіяхѣ и спраданіяхѣ. Стихіи непрестанно между собою борющіяся, животныя питающіяся плотію другихѣ; люди другѣ друга убивающіе;

вающіе; злосчастные въ прахъ
валяющіеся, ранами обезображен-
ные, бѣдностію и скорбію въ
крайнее уныніе поверженные, ми-
мо коихъ и самой жеспокосер-
дѣйшій человѣкъ безъ трепета
и ужаса проходить не можетъ;
все сіе возвышаетъ раздражен-
наго Бога, отъ гнѣва коего сто-
нетъ вся вселенная. Но чѣмъ же
подвигнутъ на гнѣвъ Богъ, дол-
женствующій быть по необхо-
димости самою благостію? по-
что столь ужасныя бѣдствія, не
суть еще въ самомъ совершен-
ствѣ? почему младенецъ во утробѣ
матерней умирающій, дикій
во единыхъ токмо лѣсахъ оби-
тающій, Индѣецъ, Турокъ, лже-
полкователь вѣры, и прочіе,
предадутся вѣчному наказанію,
за непознаніе сотворшаго ихъ
Бога? для чего не возможно его
познать иначе, какъ сквозь не-
постижимыя таинства? почему
разумъ

разумъ нашъ съ толикимъ къ
 сему трудомъ склоняется? по-
 что слабые наши очи столь тру-
 дно на свѣтъ взираютъ? почто
 грѣхопаденіе первобытнаго чело-
 вѣка причинило столь великую
 въ естесіи прѣмѣну? для чего?
 ... Нѣкій остроумный философъ
 исполненный жара къ заблужде-
 нію и вымысламъ философскимъ
 прервавъ его рѣчь, отвѣнство-
 валъ съ холодностію: Опытами
 доказано, что въ свѣтѣ болѣе до-
 бра нежели зла, потому что не мно-
 го такихъ людей, кои бы себѣ же-
 лали смерти. Да и все доказы-
 ваетъ, если токмо возрѣть без-
 пристрастнымъ окомъ, на приро-
 ду, что Богъ есть и Богъ право-
 судный; слово добро и благосо-
 стояніе суть двусмысленны; что
 худо въ разсужденіи тебя, то
 хорошо во усироеніи всеобщемъ:
 если волки пожираютъ овецъ и
 если пауки ловятъ мухъ, то не
 видишь

видишь ли, что сіи непрерывно пожираемые и всегда вновь рождающіеся роды полезны въ союзѣ вселенныя; станешь ли отрицать Бога, для того, что ты былъ боленъ горячкою? Ты говоришь, что онъ долженъ пещися о твоёмъ благосостояніи: какую ты имѣешь причину такъ мыслить? по чему долженъ онъ устроить твое благоденствіе? какой въ томъ онъ учинилъ съ тобою договоръ? что! когда ты вскармливаешь въ клевъ твоёмъ скотину на убой, то безъ сомнѣнія не хочешь что бы тебя почитали злымъ; какъ же ты самъ можешь укорять жестокостію Владыку всѣхъ животныхъ, который сотворилъ ихъ для того, что бы каждое было съѣдено во свое время? Я вамъ ничего говорю не стану, противу того, что Американцы и древняго свѣта народы Арапы и Лапонцы не

не отъ перваго производяиъ человека; внутреннее сложеніе чувственныхъ членовъ въ Арапъ, служитъ сему убѣдительноншимъ доказательствомъ Но когда ты уповаешь наслаждаться блаженствомъ въ продолженіе цѣлыя вѣчности, всѣ нещастія сей скоротечной жизнию называемой минушы, стоятъ ли того, что бы объ нихъ и говорить. Любомудріе показываетъ намъ, что Богъ есть, но что бы постигнуть, что онъ есть, что творитъ и на какой конецъ, то думаю, должно быть имъ самимъ. Въ прочемъ мало въ томъ нужды, подъ какимъ именемъ смертные на помощь его ни призываютъ. Бонза и Дервишъ оба равнобрно Справедливо, и я то же утверждаю, отвѣтствовалъ другой мудрецъ: скоты же не только, какъ ты думаешь, простыя и хорошо со-

ставленныя махины, но на про-
тиву того имѢ не достаетѢ
единого токмо слова, дабы возѢ-
имѢть надѢ нами преимущество.
Да и вѢ самомѢ дѢлѢ они имѢ-
ютѢ волю заставляющую ихѢ
любить одну вещь болѢе другой
такѢ же имѢютѢ память, раз-
судокѢ и страсти; они чувству-
ютѢ кротость, милость, бла-
годарность, гнѢвъ, ярость, мще-
ніе и лютость; они надменны и
горды, смиренны и униженны; они
одарены чувствами, кои совер-
шеннѢе нашихѢ, и явили намѢ
первыя понятія о художествѢ
и знаніяхѢ, нужныхѢ для сохра-
ненія нашего бытія; и они имѢ-
ютѢ достаточное понятіе о ра-
зумѢ, сердцѢ и страстяхѢ чело-
вѢка, какѢ для того, что бы
быть ему полезнымѢ и пріобрѣ-
тать его кѢ себѢ любовь, такѢ
и попому, что бы его стра-
шиться и убѣгать. На конецѢ
чело-

человѣкъ, самой корыстолюбивѣйшій изъ всѣхъ животныхъ, одинъ только бываетъ иногда столько ослѣпленъ, что не видитъ собственныхъ своихъ выгодъ и одинъ токмо онъ лишается иногда совсемъ разума своего; все сие не доказываетъ ли, что различіе между скотомъ и человѣкомъ не велико, и если бы человѣкъ имѣлъ рога и когти на рукахъ и на ногахъ, то бы онъ былъ самою свирѣпѣйшею пварею изъ всѣхъ животныхъ. Хотя любовь ко благоустройству, правосудію и добродѣтели ни мало не причастная личному корыстолюбію, такъ же сильныя страсти человѣка ко всему тому, что касается до его сердца и чувствъ и что возвышаетъ душу его превыше ея самой, могутъ по истиннѣ его нѣсколько отъ нихъ отличить; но слѣдствія изъ всего сего по-

добны той чести, коею наслаждался Кандидъ будучи за однимъ столѣмъ съ шестью сверженными съ престола королями въ наилучшемъ свѣтѣ. Таковыя малости не заслуживаютъ нашего вниманія; ибо онѣ суть такія инстинкта, кои токмо постигнуты въ замысловатыхъ, но не понятныхъ Платоновыхъ бредняхъ, потому что одинакія дѣйствія могутъ попеременно называться добродѣтельными и порочными, и что добродѣтель должна подвержена быть переменамъ измѣняющимъ видъ и самыхъ монархій; и въ слѣдствіе сего правила воровству надлежало быть въ чести у Спартанцевъ, такъ, какъ оное и нынѣ не въ презрѣніи въ королевствѣ Конго. Не худо было бы упомянуть еще о живописныхъ, что онѣ какъ чинятъ убійства, хищеніе и грабительства безъ злаго умысла

сла и безъ раскаянiя, такъ точно и благодѣянiе творятъ безъ добродѣтели, но по одной токмо склонности, чувствованiю и естественному побужденiю: однако сiе примѣчанiе теперъ еще бесполезно; ибо нѣкоторый человекъ весьма проникнувшiй свойство сердецъ человеческихъ, а другiй изъяснившiй намъ свойство разума, полагая, что разсужденiе есть не иное что, какъ чувствованiе, и что отъмѣнный даръ, коимъ иной человекъ украшенъ бываетъ, раждается въ немъ отъ обстоятельствъ, въ вѣ коихъ онъ находился и проч. примѣтили, что человекъ все что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ по одному самолюбию. Самолюбiе есть начало и причина всѣхъ дѣйствiй; изъ самолюбiя токмо и по отношенiю всего къ самому себѣ, человекъ бываетъ жестокосердъ и чувствительнъ,

шленѢ, щедрѢ и корыстолюбивѢ, униженѢ и покоренѢ. Единственно по самолюбію чловѣкѢ съ великимѢ спараніемѢ ищетѢ почтенія и дружества другихѢ людей, и по самолюбію ихѢ убѣгаемѢ; на конецѢ по самолюбію спрашится онѢ смерти, и по самолюбію оную презираемѢ. Не душа разумомѢ худо или хорошо управляется, но разумѢ слѣдуетѢ движеніямѢ души, или лучше сказать, вѢ томѢ и никакого учаспія не имѣетѢ. Не по чувствованію чловѣколюбія, разумный и чувствительный чловѣкѢ дѣйствительно бываетѢ пронутѢ нещаспіями себѢ подобнаго, и бѣдствія его относятѢ не токмо кѢ самому себѢ, но и ко всѣмѢ людямѢ вообще; не общественная любовь заставляетѢ его размышлять, но одно токмо особое самолюбіе и внутреннее побужденіе „О не-

бо, вскричалъ *Ацемъ*, какія ужасныя мнѣнія? Какія противорѣчія! какое безуміе! какія нелѣпости! какія страшныя слѣдствія справедливейшихъ разсужденій! какія лживыя, слабыя и смѣшныя разсужденія! сколь онѣ не достойны, что бы ихъ опровергать! сколь заблуждается человѣческой разумъ, когда похочетъ размышлять о вещахъ понятіе его превышающихъ! Далѣе видны были два физики спорящіе о существованіи полноты и пустоты. „Правда ли, говорилъ одинъ, что два тѣла могутъ дѣйствовать одно на другое и не припрогиваясь давить другъ друга, и что онѣ могутъ въ одно время пристягивать и отражать себя взаимно, безъ всякаго между собою сообщенія? Вѣроятно ли, отвѣтствовалъ другой, что всѣ тѣла одному закону подверженныя, не могутъ

быть приведены въ движеніе безъ не посредственнаго прикосновенія? Возможно ли сказалъ Картезіянецъ, что бы было въ подсолнечной, какое ни есть мѣсто совершенно пустое; что бы небесныя тѣла плавали въ ничтожествѣ; что бы частицы вещества раздѣлены были пространствами ничтожества, и что бы между частицами, изъ коихъ состояются воздушныя шарики, и огненнымъ веществомъ, которое еще не извѣстно, находились междумѣстія совершенно пустыя, и въ коихъ бы совсемъ ничего не было? Проникнулъ ли кто въ свойство ничтожества или пустоты столь же непостижимой какъ и безконечность, вѣчность, и высочайше существо? Всѣ изслѣдованія самыхъ остроумнѣйшихъ мужей были въ семъ случаѣ тщетны, и кажешся, что все сіе индѣ не можетъ имѣть

имѣть мѣста, какъ токмо за предѣлами вселенныя. Чрезъ пустоту разумѣмъ мы, отвѣспововалъ Невтоніянecъ нѣчто большее нежели ничто, однако же опнюдъ не вещество и не совершенное ничтожество, инако чистымъ пространствомъ именуемое, среди коего движущся всѣ тѣла. Но какая та вещь, сказалъ Картезіянecъ, которая со всемъ не дѣйствуешъ на тѣла ею окружаемыя, которая онымъ не сопротивляется и коей онѣ равномѣрно не сопротивляются, дабы не пресѣчь чрезъ то своего печенія? Не должно ли назвать ничтожествомъ ту вещь, которая кромѣ пространства и пустоты, никакого свойства болѣе въ себѣ не заключаетъ? Пространство чистое или пустота и ничтожество суть равно не удобопонятны; да и можно ли найши различіе между

двумя со всемъ чувствамъ нашимъ не подлежащими вещами? Частица самая малѣйшая, какую токмо себѣ представить можно, составлена изъ безконечнаго множества другихъ частей, изъ коихъ каждая можетъ еще дѣлиться до безконечности; и въ семъ случаѣ разумъ далѣе простирается нежели воображеніе, но путь долженъ оной уже и остановиться и опнудъ не силиться тщетно изслѣдовать свойство ничтожества, пустоты, чистаго пространства и тому подобнаго. Если одна частица вещества не дѣлима до безконечности, то вещество есть безконечно, сказалъ Невтоніанецъ. Если есть одна не дѣлимая частица, отвѣщствовалъ Карпезіанецъ, то оная непременно есть существо единое, чистое, простое, и не измѣняющееся; и въ семъ случаѣ вещество

ство долженствуетъ конечно
быть вѣчно. Какъ! вскричалъ
Ацемъ, люди не согласны еще о
свойствѣ и существѣ одной пес-
чинки, а хошяшъ познать есте-
ство души и тѣлѣ, и стремяш-
ся постигнуть существо само-
го Бога! Справедливо удивляешь-
ся ты *Ацемъ*, отвѣпствоваль
другой филозофѣ, выступя изъ
круга, пропивоpѣчiемъ мудре-
цовъ; но со временемъ будешь
ты обѣятъ большимъ еще уди-
вленiемъ. Весь сей мiръ столь
наполненъ пропивоpѣчiями, что
ужасаться должно, если токмо
посмотрѣть прилѣжно на людей
оной населяющихъ. Въ нрав-
ственномъ мiрѣ находятся та-
кiе же вихри и круги, какiе и
въ вещественномъ. Всѣ люди
безспорно населяютъ одну зе-
млю, но не одинъ мiръ. Въ Па-
рижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ
Константинополѣ, въ Пекинѣ и
въ

вѢ прочихъ мѣстахъ не одинъ
міръ, но всюду различенъ. ВѢ
Пешербургѣ не потъ міръ, кото-
рой вѢ Москвѣ; вѢ городѣ не
потъ, которой вѢ предмѣстїи,
а вѢ предмѣстїи не потъ, ко-
торой вѢ деревнѣ. Каждой изъ
сихъ міровъ имѣетъ безчислен-
ное множество законовъ, нра-
вовъ и обычаевъ разныхъ, коимъ
оной большею частїю слѣдуетъ
по единому токмо предубѣжде-
нїю. ВѢ ученомъ свѣтѣ есть
нѣкто славный мужъ, шрудив-
шійся вѢ изданїи великого и
весьма важнаго сочиненїя и стран-
ствовавшій двадцать лѣтъ для
шого токмо, что бы постигнуть
смыслъ разныхъ народовъ. Иные
говорятъ, что онъ ошибся, дру-
гіе недоумѣваютъ, кто правѣе
изъ нихъ, сочинилъ или кри-
тики; и всѣ вѢ томъ токмо со-
гласны, что онъ былъ мужъ оп-
тѣннаго разума; однако же вѢ
свѣтѣ

свѣтъ истинна одна, правосудіе единое, красота одна и хорошій вкусъ всюду одинъ.

Слѣпое суевѣріе, коего жертвенники всегда кровію обогрѣны были, невѣжество и заблужденіе не суть величайшія бѣдствія человѣчество поражающія; истинна научающая человѣка познавать самого себя, науки показующія предѣлы его разума и малое пространство его знаній, письменное и художества очищающія его вкусъ и раждающія въ немъ желанія, коихъ всѣ напряженія искусства и купно естества удовольствоваться не могутъ, ни къ чему болѣе не служатъ, какъ шокмо ко усугубленію его злополучія. Онѣ раждаютъ въ немъ презрѣніе ко всему тому, что очамъ его кажется не совершеннымъ, дѣлаютъ самое его бытіе тягостнымъ и заста-

заставляютъ его убѣгать свѣта, не смотря на то, что онъ болѣе всякаго другаго человѣка не навидитъ уединенія, по тому что онъ лучше чувствуетъ цѣну хорошаго общества; и разумъ необходимо долженъ напрягать всѣ свои силы, что бы не впасть въ заблужденіе и не ослѣпиться мечтаніемъ. Однако же человѣкъ не для того рожденъ, что бы пребывать въ заблужденіи, но дабы знать, любить и почитать истинну и возбуждать въ другихъ къ оной такія же чувства.

Человѣкъ есть нѣчто сложенное изъ всѣхъ противоборствующихъ между собою свойствъ: онъ свирѣнѣе всѣхъ звѣрей: ибо волки не пожираютъ волковъ, ни шигры шигровъ, а человѣкъ не однократно питался плотію человѣческою; но онъ и чувствительнѣе всѣхъ животныхъ, кои имѣютъ

имѣютъ чрезмѣрную горячность токмо къ дѣшамъ своимъ, а къ другимъ животнымъ своего рода ничего не чувствуютъ кромѣ безпристрастія, къ инороднымъ же являютъ лютость, выключая собаку, которая остается преданною человѣку. Одинъ токмо человѣкъ ощущаетъ въ себѣ жалость ко всякой дышущей твари. Далекія путешествія, знакомство со знатными особами, обхожденіе съ женщинами и разнаго званія людьми, науки, изящныя письма и художества повреждая его сердце, образуютъ его разумъ, которой по естеству своему не что иное есть, какъ заблужденіе и мечтаніе, по тому что добродѣтель происходитъ отъ гордости и тщеславія, а красота и пріятности рождаются отъ роскоши. Однако же человѣкъ не съ тѣмъ рожденъ, что бы жить

во уединеніи, скидаться по лѣсамъ перескакивать по деревьямъ съ сука на сукъ, дабы избавиться отъ лютыхъ звѣрей, какъ то утверждаетъ гражданинъ Женевскій. Самый дикій чловѣкъ имѣетъ лукъ и стрѣлы для убіенія звѣрей, поелику природа не дала ему чепырехъ ногъ для бѣганія и двухъ крылъ для лѣтанія. Онъ имѣетъ шалашъ для жилища и звѣриную кожу для прикрытія своея наготы для того, что одинъ онъ естъ въ естествѣ такое животное, коему воздушныя перемѣны вредъ наносить могутъ; и ему всегда необходимо нужно имѣть съ собою товарища для того, что изъ всѣхъ животныхъ одинъ токмо онъ не можетъ самъ себя доснавать всего того, въ чемъ онъ имѣетъ нужду, и первая его нужда состоитъ въ общежитіи.

Слѣпое

Слѣпое его сердце въ стремленіяхъ своихъ, обуреваемъ имъ безпрестанно, если онъ не бываетъ предводительствуемъ и просвѣщаемъ разумомъ, которой такъ же ни къ чему болѣе ему не служишь, кромѣ токмо къ низверженію его изъ единой бездны въ другую. Онъ обрѣтая истинну, не можетъ на нее безъ поврежденія глазъ своихъ смотрѣшь, потому что она или разгоняетъ мечтаніе блаженство его сославляющее или показываетъ ему предѣлы, гдѣ должны остановиться любопытные его взоры.

Онъ ищетъ щастія, но безпрестанно отъ онаго удаляется, и зная что оное умножается по мѣрѣ содѣйствія своего на общество, предприемлетъ искать онаго въ независимости. Но съ того времени, какъ независимость водворилась въ міръ и начала

В

обла-

обладать людьми, щастіе на вѣ-
ки исчезло. Римская республика,
въ которой духъ независимости
болѣе владычествовалъ, нежели
въ другихъ мѣстахъ, должна
была необходимо подвержена
быть раздорамъ, мятежамъ и
междоусобнымъ бранямъ. Въ са-
мовластныхъ государствахъ у-
правляемыхъ волею, своеправіемъ
и прихотями единого человѣка,
и гдѣ отчаяніе приводитъ лю-
дей на такія дѣла, на какія и
самая дерзость не всегда успре-
мляется; владѣтель и его под-
данные безпрестанно смущаемые
ожиданіемъ самой незапной смер-
ти, должны препровождать
жизнь исполненную страха и го-
ресни. Щастіе произтекаетъ
ни отъ независимости, ни отъ
жизни препровождаемой въ ра-
ботѣ, страхѣ, безпокойствіи
и смущеніи. Люди принуждены
будучи жить въ союзѣ обще-
ствен-

ственною и зависѣть не токмо другъ отъ друга, но и отъ всего, что ихъ окружаетъ, не могутъ быть блаженны, если не будутъ соединены благодарностію, и щастіе ихъ бываетъ всегда соразмѣрно союзу сихъ двухъ гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя наши обиды и благопворенія, раждаютъ въ насъ нужду имѣть друга для раздѣленія съ нимъ какъ щастія своего и радости такъ и самой печали. Человѣкъ рожденъ для того, что бы быть другому подвластнымъ. — Когда онъ дерзнетъ отрицать божество, то тщетно искать будетъ уже спокойствія и тишины въ нѣдрахъ уединенія. Слабое щастіе, коимъ уповаетъ онъ наслаждаться, бываетъ тогда подвержено всѣмъ переменамъ бурныхъ стихій, различнымъ впечатлѣніямъ предмѣтовъ поражающихъ его

взоры и всѣмъ превратамъ суроваго естества. Онъ погружается во уныніе и задумчивость во время мрачной и ненастливой погоды; да и въ самой ведрой день та же томность мятеитъ его духъ; онъ унываетъ среди дремучаго лѣса и скучаетъ такъ же въ пріятныхъ поляхъ. Онъ чаеитъ жить какъ философъ, но не имѣеитъ и столько жизни, какъ насажденное имъ растѣніе; и опасаясь быть игралищемъ людей, бываетъ игралищемъ природы.

Единоначальное правленіе, какъ самое разумнѣйшее и кротчайшее, есть то, которое могло бы наиболѣе споспѣшествовать благоденствію народовъ, если только оныя щастливы быть могутъ безъ добродѣтели. Въ республикѣ страхъ всегда предстоитъ глазамъ среди самая глубокія тишины, что бы не подпастъ игу

игу мятежника; въ самовла-
стномъ же государствѣ страхъ
казни, а въ единоначальномъ
правленіи страхъ безславія зани-
маютъ мѣсто всѣхъ добродѣте-
лей. Въ семъ послѣднемъ правле-
ніи честь есть драгоцѣннѣйшее
для гражданъ сокровище, коему
они и самую жизнь предпочита-
ютъ; да оная содѣлалась и дѣй-
ствительно самымъ нужнѣйшимъ
приобрѣтеніемъ въ свѣтѣ съ то-
го времени, какъ изгнанна и за-
быта добродѣтель; но честь
есть такъ же и путь источни-
комъ безконечныхъ развратовъ.

Въ то время, когда благосо-
стояніе государствъ зависѣло
отъ единого оружія, когда всѣ
чины гражданскіе составляли
одни токъ рабы, невольники и
земледѣльцы, коимъ не позволе-
но было ходить на войну по при-
чинѣ низкого ихъ состоянія,

тогда вся честь состояла единственно въ дворянскомъ достоинствѣ. Прежде нежели Государи возѣмѣли одни токмо право набирать войско и вести войну, владѣтели почитали за честь принимая самолично, а не чрезъ другихъ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, стоявшихъ предъ ними на коленяхъ съ открытыми главами и безъ всякаго оружія. Прежде, нежели войска составлены были купно изъ знатныхъ и простыхъ, почитали знатность, за опмѣнное достоинство. Когда народъ обременяемъ былъ поземельными налогами нынѣ ничего почти не значущими; но въ то время доспачеснвовавшими для военныхъ расходовъ, право къ возложенію дани было весьма почпительнымъ. Когда храбрые рыцари спранствовали по свѣшу и опмщевали за обиды, и когда неуспра-

неустрашимые бойцы рѣшали справедливость своея ссоры поединкомъ, тогда вмѣняемо было за подлость не оправдать себя смертію своего соперника. Но нынѣ по единому токмо предразсужденію сопряжены во всѣхъ сихъ случаяхъ честь или безчестіе. Такимъ образомъ законы, обычаи, нравы и обряды перемѣняются; одно токмо принятое людьми мнѣніе и предразсужденіе закоsnѣвають въ разумъ человѣческомъ, не смотря на уничтоженіе причинъ оныя производшихъ.

Всѣ сіи остатки древняго правленія ни къ чему болѣе не служатъ, кромѣ токмо къ воспоминовенію ко стыду человѣчества тѣхъ варварскихъ временъ, когда сила составляла весь законъ, отъ коего и нынѣшніе всѣ произтекаютъ. — Римляне утомив-

шишь посягатьъ на жизнь другъ друга за дубовой желудокъ, за дерево, за оленя, за птицу, словомъ за всякую бездѣлицу, соединились въ общество и такимъ образомъ умножили свои силы. Они безъ труда уже тогда поражали разсѣянныя народныя толпы и содѣлались властелинами и полными обладателями весьма обширныя страны. Они избрали себѣ мѣсто, обнесли оное оградою и раздѣлили поровну между собою земли, подававшія имъ не однократно поводъ къ междоусобіямъ. Они пригласили сосѣдей своихъ съ женами на пиршество, по окончаніи коего выгнали мужей, а женъ ихъ удержали. Они умножились, возвысились, завоевали многія мѣста и покорили побѣдителей Азіи, Грековъ, и скоро разпространили власть свою надъ цѣлымъ почти свѣтомъ. По томъ не имѣя болѣе

кого

кого побѣждать, позабыли пользу республики ради своей собственной, и личныя ихъ выгоды предпочтенныя общественнымъ изпробивъ изъ мыслей ихъ честь, возбудили сѣверныхъ обитателей не менѣе ихъ о пользѣ своей пекущихся, но гораздо сильнѣйшихъ и мужественнѣйшихъ устремиться на разрушеніе ихъ государства, на развалинахъ коего воздвигнули они многія другія. Побѣдители раздѣлили между собою завоеванныя у нихъ земли совсемъ инымъ образомъ. Тамъ и доселѣ еще одинъ токмо Государь собственнѣно владѣетъ землями, а подданные временно оными пользуются. Въ Европѣ же мало по малу отступила верховная власть отъ своихъ правъ; позволивъ сперва дѣтямъ наследовать отцовскими землями, по томъ прочимъ свойственникамъ; а на конецъ предоста-

ла свободу и посшороннимъ покупашъ у владѣльцовъ родовыя земли; но Государи не иначе опрeклись опъ сихъ правъ, какъ съ шѣмъ, что бы новыя помѣщики до вступленія во владѣніе покупаемыхъ ими земель, предварительно въ главномъ правительствѣ позволенія на то просили. Скоро послѣ того даровали вольность земледѣльцамъ и невольникамъ; то есть, что они престали быть рабами подданныхъ своего государя, но всегда пребывали рабами государства до тѣхъ поръ, покамѣсть на конецъ трудолюбіемъ, дарованіями и ипорговлею своею достигли до того, что по очереди стали господами господъ своихъ. — Вотъ начало, произхожденіе и сила всѣхъ законовъ человѣческихъ.

Если заблужденіе произвело
всѣ сїи законы, то оное есть
такъ

- такъ же по большой части причиною ихъ продолженія, премѣненія, оказываемаго къ нимъ уваженія и негодованія. У Китайцевъ на примѣръ, коимъ не извѣстна самая главная добродѣтель, то есть справедливость, и у коихъ правосудіе держитъ въ рукъ свое вѣсоѣ, двое для того, что бы обманывать, а третіе дабы не были обмануты; по необходимости надлежало поощрять людей къ добродѣтели надеждою награжденія, которое само собою разрушаетъ уже всякую добродѣтель. Во всѣ времена гражданскіе законы касающіися до браковъ, наследствъ, завѣщаній и проч. перемѣнялись. У Грековъ законы Афинскіе не были сходны съ законами Лакедемонскими, по тому что законы не суть государственные, но законы опіцовъ нашихъ; и мы оныя по произволению можемъ такъ

такъ же перемѣнять въ пользу дѣшей и попомковъ нашихъ. Чудится же, что законы не вездѣ одинаковы, есть тоже самое, что и удивляются, для чего не всѣ государства имѣютъ одинакой образъ правленія.

Но гдѣ примѣтна столь великая противоположность разума человеческого, какъ во удивительной перемѣнѣ нравовъ человеческихъ въ каждомъ вѣкѣ? Последній предъ симъ вѣкѣ былъ вѣкъ великихъ дѣяній, великихъ страстей, великихъ слабостей и пр. нынѣшній же на проптиву того есть вѣкъ маленькихъ слабостей, маленькія любви, маленькія дружбы, маленькаго презрѣнія, маленькихъ вещей и пр. оной преклоненъ къ изрядному, пріятному и нѣжному, но не къ хорошему и любитъ вкусъ, а не разсудокъ. „Ацѣмъ не инако от-

вѣт-

вѣпствовалъ и на сію долгую
рѣчь, какъ и на другія, то есть,
съ восклицаніемъ говоря, что
это за свѣтъ, когда здравой
разсудокъ, добродѣтель, истин-
на и блаженство споль во ономъ
рѣдкі? По томъ услышалъ онъ
въ другомъ мѣстѣ разговоръ еще
странный. Два комедіанта быв-
шіе купно филозофы, стихотвор-
цы, и музыканты, спорили
одинъ противъ другаго о томъ,
сколь опасно для нравовъ хо-
дитъ на театръ во время пред-
ставленія ихъ игрищъ. Ахъ!
нѣтъ, государь мой, говорилъ
одинъ изъ нихъ, мы не виновны,
успокой мятущуюся свою со-
вѣсть; правда мы представля-
емъ иногда людей гораздо ху-
жшими, нежели они въ самомъ
дѣлѣ, однако ни кто никогда и
не помышлялъ насъ за то об-
винять. Скажи пожалуй, какое
зло видѣшь трагедію, коея цѣль
есть

есть та, что бы возбудить въ сердцахъ ужасъ ко пресупленіямъ, любовь къ добродѣтели, жалость къ ироямъ, влекомымъ собственными своими слабостями въ несчастіе, и на конецъ, что бы подкрѣплять въ сердцахъ чувствованіе повседневно нынѣ отъ обращенія нашего угасающее, то есть чувствованіе человеколюбія? Какое зло видѣшь комедію, коея цѣль есць предспавлять не достойныя и смѣшныя дѣйствія самолюбія, дабы исправить насъ самолюбіемъ гораздо разумнѣйшимъ и страхомъ посмѣянія? Предосудительно ли ходить на зрѣлище, коего цѣль состоитъ въ показаніи намъ должностей общественныхъ? Инако опасно бы было являться и въ свѣтъ, коего обращеніе можетъ быть такъ же вредно. Если вредны зрѣлища или для того, что тамъ видны преле-

преlestныя красавицы и чпо
нѣжныя и пріятныя ихъ танцы
воспламеняющѣ сердца къ сла-
дострастію, или для того, что
тамъ живо изображаются умо-
начертаніе и страсти или на
конецъ для того, что наилуч-
шія театральныя представленія
научая добродѣтели, оставля-
ющѣ въ сердцахъ начертаніе по-
рока; то вредно такъ же ходитъ
на гульбища, быть въ собрані-
яхъ и читатъ исторіи. Если
опасно взираетъ на изображеніе
нравовъ, то несравненно опаснѣе
смотрѣть на самые нравы столь
развращенные, и если вообще вре-
дно житъ въ свѣтѣ, то непре-
мѣнно должно удалиться въ глу-
хія и не обитаемыя мѣста. Ко-
нечно такъ, опевѣтснвовалъ
другой; но сего еще недовольно:
люди были бы блаженнѣе, если
бы не токмо не жили въ сооб-
ществѣ, но и совсемъ бы не го-
ворили,

ворили; ибо нѣкоторый знаменитый и весьма извѣстный сочинитель утверждаетъ, что всѣ бѣдствія вступили въ свѣтъ купно съ словомъ. Что же, говорилъ другой, развѣ они блаженнѣе бы были, если бы токмо пѣли, а опнюдѣ ничего не говорили, поелику они подобно всѣмъ прочимъ животнымъ, изъясняютъ чувства свои отъ самаго рожденія радостнымъ или печальнымъ восклицаніемъ. Ошибаешься, любезный другъ, отвѣтствовалъ первый, они такъ же не должны пѣть, какъ и говорить; ибо пѣніе есть искусство, а всякое искусство развращаетъ нравы и вредитъ щастію. По томъ подступя къ нимъ одинъ изъ слышателей, сказалъ обоимъ имъ. Какъ государи мои, вы осмѣливаетесь порицать самой прекрасной, самой рѣдкой и самой драгоценнѣйшей

нѣйшій даръ, коимъ токмо природа людей наградила; такой даръ, которой ихъ соединилъ и доставилъ имъ толико чрезъ то выгодъ и пріятностей, коими они могли бы всегда наслаждаться, если бы токмо оныхъ во зло не употребляли. *Ацемъ*, выслушавъ всѣ словопрѣнія съ крайнимъ удивленіемъ, началъ искать философа, который до тѣхъ поръ въ свѣтѣ ему руководствовалъ, и нашедъ, привелъ его въ то мѣсто, гдѣ слышалъ онъ разговоры о столь различныхъ предметахъ. Но философъ заспорившись путъ съ великимъ жаромъ, со всемъ замѣшался въ собраніи. *Ацемъ* тщетно его искалъ и вышелъ по томъ одинъ, не зная, куда ити. Ночью, когда онъ шатался нѣсколько часовъ, попалъ на него разбойникъ, который приставя къ груди его пистолетъ, требовалъ у него кошель-

ка, въ противномъ случаѣ хотѣлъ его убить. Ахъ! жестокой, въ чемъ я преступилъ предъ тобою, вскричалъ *Ацемъ*, что я у тебя похитилъ, что хочешь лишить меня жизни? Ты пребуешь у меня кошелька, коего у меня нѣтъ, да я и не знаю, что оной значилъ, а если бы и былъ, то по какому праву смѣешь ты у меня онаго требовать? Ты жестокосерднѣйшій всѣхъ людей на свѣтѣ. Нѣтъ, отвѣпсывовалъ ему разбойникъ, я съ жалостію у тебя онаго спрашиваю, необходимость меня къ тому понуждаетъ; я рожденъ отъ такихъ родителей, которые никогда ни на одну ступень земли у себя не имѣли. Они выучили меня ремеслу, что бы я могъ пропитать жизнь свою; но обспояпельства времени сдѣлали оное для меня бесполезнымъ и меня самая крайность принудила

при-

приняться за разбойничество. Правда, я могъ бы вступить въ службу своего Государя, который имѣетъ нужду въ людяхъ; но у меня есть жена и дѣти, коихъ никакъ не могу оставить. Если такъ, сказалъ *Ацемъ*, то я о тебѣ весьма сожалею; однако ни чемъ пособить тебѣ не въ силахъ, будучи несравненно тебя несчастливѣе. Ты видишь, что я и пристанища не имѣю и... Но разбойникъ прежде окончанія его разговора, услышавъ вдали топотъ лошадиной, устремился бѣжать изъ всея силы. *Ацемъ* шатался до самого свѣта; на разсвѣтѣ же примѣтивъ, что онъ вышелъ уже за городъ и увидя въ полѣ нѣсколько бѣгущихъ зайцовъ, схватилъ камень, за неимѣніемъ при себѣ ни лука, ни ружья, ни собакъ, и лишь только хотѣлъ онымъ на нихъ бро-

сипть, какѣ вдругѣ подбѣжалѣ къ нему человекѣ и грозно спалѣ ему говорить: что ты дѣлаешь? развѣ хочешь, что бы тебя посадили вѣ пюрму? Ты конечно не знаешь, что вѣ нашей землѣ не только тебѣ не позволено убивать животныхѣ, коихѣ природа произвела для всѣхѣ людей, но и самѣ господинѣ не можетѣ ходить на звѣриную ловлю вѣ своихѣ помѣстьяхѣ, если оныя не отдалены на двадцать или тридцать верстѣ отѣ Государевыхѣ земель. Для чего же ты насмѣхаешься, отвѣтствовалѣ ему *Ацемѣ*, самому разумнѣйшему изѣ всѣхѣ вашихѣ законовѣ и первому, какѣ слышу, которой изданѣ на земли для поддержания людей отѣ убіенія другѣ друга? Я не знаю, говорилѣ тотѣ ему, разумной ли сей законѣ или нѣтъ, но знаю, что если бы онаго не было, то

можетѣ

можетъ быть я не захопѣлъ бы
 посягнуть въ сію ночь на твою
 жизнь; узналъ ли ты меня? Од-
 нако пойдемъ со мною, я тебѣ
 покажу источникъ всѣхъ нашихъ
 бѣдствій. Чрезъ нѣсколько ча-
 совъ пришли они въ городъ и
Ацемъ увидѣвъ на одномъ дворѣ
 множество людей разхаживаю-
 щихъ и держащихъ въ рукахъ бу-
 маги, захотѣлъ о томъ любо-
 пытствоваться. Тамъ лежало въ
 одномъ углу множество разныхъ
 вещей, а въ другомъ стоялъ че-
 ловѣкъ, который облокотясь на
 столъ и повѣсивъ внизъ голову,
 казался погруженъ въ великую
 задумчивость. *Ацемъ* подступилъ
 къ нему и желая знать причину
 его печали, спросилъ его, что
 то за мѣсто, въ которомъ онъ
 столько печалится, а другіе
 на противу того толикую ра-
 достъ на лицахъ своихъ явля-
 ютъ? Самая сія радость, отъ-

вѣпствовалъ ему потѣ, есть
причиною слезъ моихъ; меня по-
нуждаютъ ѣхать въ армію, но
какъ я не имѣю денегъ, то при-
шелъ сюда продать за безцѣ-
нокъ остатокъ имѣнія получен-
наго мною въ наслѣдство отъ
предковъ моихъ; мѣсто, кото-
рое вы здѣсь видите, и кото-
рое кажется ново глазамъ ва-
шимъ, называется Биржою. Сюда
съ того времени, какъ люди со-
гласились не показывать безъ
денегъ другъ другу услугъ че-
ловѣческа, приходятъ разные
торгачи, возвышаютъ щастіе
свое на разореніи другихъ и низ-
вергаютъ народъ во ужасныя бѣд-
ствія. Не въ однихъ токмо
лагеряхъ бѣдность не разлучна
съ богатствомъ и не на однихъ
токмо сраженіяхъ замѣшатель-
ство, безпорядокъ и смятеніе
въ строяхъ бываетъ; сіе самое
и въ городахъ происходитъ. На-
прасно,

прасно, сказалъ ему вопреки тамъ
 другой, вопіешь ты пропиву
 щастія въ самомъ его храмъ,
 тебя здѣсь ни кто слушать не
 станетъ, да и дѣльно. Щастіе
 своенравно и слѣдовать его
 своенравію не что иное есть,
 какъ дѣйствовать по порядку ве-
 щей, а иначе поступать, значитъ
 не быть разумнымъ. Люди про-
 изведены для того, что бы по-
 добно *Александру* умирали, держа
 въ рукахъ и мечъ и чашу. Ахъ!
 Боже мой, вскричалъ *Ацемъ*, ка-
 кой апо народъ, который не
 страшился быть собственнымъ
 виновникомъ бѣдспвій влеку-
 щихъ его къ паденію? „Опшуда
 пошли они на гульбище. Тамъ
 спросилъ *Ацемъ*, что потъ за че-
 ловѣкъ, который едва ходитъ
 можетъ, а въ прочемъ совсемъ
 кажется здоровъ? Онъ изъ числа
 тѣхъ самыхъ людей, отвѣт-
 ствовалъ ему его спутникъ, ко-

торыхъ ты лишь только теперь видѣлъ, и коихъ весь промыслъ состоитъ въ томъ, что они день и ночь упражняются въ изчисленіи сокровищъ государственныхъ, дабы узнать во сколько времени къ себѣ перевести могутъ. А другой блѣдной и разтрепаной, спросилъ *Ацемъ*, въ длинномъ кафланѣ и который столь громко говоришь? это спряпчій, отвѣтствовалъ онъ ему, коего искусство состоитъ въ изслѣдованіи, въ какомъ видѣ представить дѣло правительству и какъ бы показать черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Далѣе стоитъ судья, который для соблюденія точной середины между сими двумя крайностями, судитъ дѣло такъ, что бы оно казалось половину чернымъ, а половину бѣлымъ. Тотъ же, у коего гордая осанка, голова высоко поднята и весьма важная по-

по-

походка, есть военной человѣкъ, который долженъ биться и сражаться въ то время, когда ему только скажутъ, что сего чести его пребудетъ, не имѣя ни какой болѣе къ тому причины. А изъ тѣхъ двухъ, которые похожи на женщинъ препоясанныхъ шпагами, одинъ комедіантъ, а другой пѣвецъ, коихъ обоихъ дарованія состоятъ въ томъ, что они могутъ смѣяться и плакать въ назначенное время. Всѣ прочіе, которыхъ ты здѣсь видишь, ни комедіанты, ни пѣвцы, но они не меньше ихъ упражняются въ изъясненіи такихъ чувствъ, которыхъ они не имѣютъ, и такимъ образомъ обманываютъ другъ друга. Изъ всѣхъ сихъ людей, нѣтъ ни единого человѣка, который бы не воображалъ себѣ, что онъ имѣетъ справедливость предпочитать или по крайней мѣрѣ сравнивать

свое состояніе со всѣми прочими и который при всемъ томъ будучи не доволенъ своимъ жребіемъ, не желалъ бы всѣхъ и не предпочиталъ бы своему. Ахъ! какія противности сказалъ *Ацемъ*!

Между красавицами бывшими украшеніемъ сего гульбища находилась одна, которая привлекла на себя взоры *Ацема* и всѣ чувства его обольстила. Прекрасная Европейка, говорилъ онъ подошедъ къ ней прерывающимся голосомъ и имѣя воспламененныя глаза; сердце мое тебя обожаетъ и сколь счастливымъ бы я себя почелъ, если бы дни свои могъ препровождать съ тобою, и если бы могъ безпрестанно имѣть тебя въ своихъ объятіяхъ и съ тобою разговаривать... Больше не могъ онъ говорить; всѣ начали смѣяться; мать же сея прелестныя Европейки,

ко-

которая не смѣясь сидѣла позади ее, съ шоропливостію ему говорила, пише, пише, государь мой, она дочь моя: я вѣрю, что чувства ваши не порочны и законны, но мнѣ кажется, что вы молоды и ничего еще не значите въ свѣтѣ; и такъ вамъ бы надлежало думать прежде о томъ, что бы приобрѣсть себѣ какое нибудь достоинство въ обществѣ, нежели о моей дочери. Достоинство, вскричалъ *Ацемъ*, ваша любезная дочь безъ сомнѣнія достойна престола; но гдѣ можно найти и завоевать такое достоинство. Однако же, если вамъ сего непременно хочется, то я пойду къ своимъ товарищамъ, соберу ихъ и предводительствуя ими, прійду свергнуть съ престола вашего Государя, если то нужно, по тому что съ такимъ токмо условіемъ.... Я не пребую, ска-

зала

зала она ему, прервавъ его рѣчь, что бы вы свергнули съ престола нашего Государя; довольно того, что бы вы заступили мѣсто какого нибудь изъ его подданныхъ и имѣли бы нѣскольکو земли въ его обласняхъ, что бы могли сказать, моя земля, мой домъ и пр. Но поелику всѣ уже земли заняты, и всѣ принадлежатъ одной половинѣ людей, а другая владѣть оными ожидаетъ своей очереди; по пока мѣстъ не придетъ ваша очередь, я вамъ запрещаю изъясняться въ любовь предъ дочерью моею, по тому что вамъ можетъ быть не скоро владѣть достанется, а можетъ быть и никогда, не смотря на всѣ ваши достоинства; можетъ еще статься и то, что мѣсто, которымъ вы со временемъ владѣть будете, не будетъ споить того, что бы я отдала за васъ дочь свою;

свою; по чему вамъ надлежитъ скрывать ощущаемую вами кѣней любовь; въ противномъ случаѣ вы ее никогда не увидите. Законы сїи столь древны, какъ и самой свѣтъ и вы напрасно сему удивляетесь. Изъ какой вы земли, что сїе для васъ столь удивительно кажется? У насъ есть такъ же и другой законъ не меньше древенъ, который намъ говорилъ, что наши сокровища и наше имѣніе не однимъ намъ принадлежатъ, но всѣ люди равное право на оныя имѣютъ, и что мы должны съ ними дѣлиться, хотя бы они и не благодарны были. Я почитаю оной чрезмѣрно, однако же и до сего времени не могла еще рѣшиться слѣдовать оному и я не одна такъ поступаю. „Ахъ! боже мой! вскричалъ *Ацемъ*, что слышу я? Ахъ чудовища! жестокіе, безчеловѣчные! нѣтъ, не хочу болѣе у васъ

васъ оставаться. Непостоянство ваше приводитъ меня въ ужасъ; я менѣе буду подверженъ бѣдствіямъ, скитаясь по самымъ дремучимъ лѣсамъ; тамъ могу я слѣдовать по своей волѣ движеніямъ естества и тамъ и львы, и шигры, не столь свирѣпы ... Но нѣтъ, можетъ быть есть другая страна, гдѣ люди лучше, справедливыѣ, человеколюбивыѣ, великодушныѣ и чувствительныѣ поступаютъ: пойду, стану оныя искать и на вѣки отсюда удалюсь.

РАЗГО-

РАЗГОВОРЪ

Дикаго съ Бакалавромъ,

изъ

сочиненій Г. Вольтера.

Бак. Г. дикій, ты видѣлъ безъ сомнѣнія многихъ изъ своихъ товарищей, ведущихъ совсемъ уединенную жизнь, о копорой у насъ говорятъ, что оная есть настоящая жизнь человѣка, а не общественная наша столь испорченная и не соотвѣтствующая состоянію человѣка.

Дик. Напрасно. Я никогда такихъ людей не видывалъ, и мнѣ кажется, что человѣкъ сотворенъ для общества какъ и многіе другіе роды животныхъ. Каждый родъ слѣдуетъ врожденной своей склонности: и мы живемъ у себя обществомъ.

Бак. Обществомъ? Такъ у васъ есть по тому прекрасные стѣнами обнесенные города, Короли
жи-

живущіе въ великолѣпныхъ чер-
тогахъ, театры, монастыри,
университеты, библіотеки и
корчмы?

Дик. Нѣтъ, но я слышалъ, что
и на вашей часпи свѣта есть
такіе люди, какъ то Арапы и
Скифы, кои ничего изъ вышепо-
мянутого не имѣютъ, но при
всемъ томъ соснавляютъ зна-
ные народы. Мы живемъ такъ
какъ они. Сосѣдственныя семей-
ства подаютъ взаимную себѣ по-
мощь. Мы обитаемъ въ жар-
кой странѣ, въ которой не мно-
го нужды имѣемъ, пищу доста-
емъ себѣ легкимъ образомъ, же-
нимся, приживаемъ дѣтей, вос-
питываемъ ихъ и умираемъ. Все
же сіе не иначе и у васъ, исклю-
чая нѣкоторые токмо обряды.

Бак. Такъ видно другъ мой, ты
не дикій?

Дик. Я не знаю, что ты разу-
мѣешь подъ симъ именемъ.

Бак.

Бак. Да я и самъ право не знаю; надобно мнѣ напередъ о томъ подумать. Мы называемъ дикимъ человека угрюмаго, копорый удаляется отъ людей.

Дик. А я уже сказывалъ, что мы живемъ вмѣстѣ семьями.

Бак. Мы называемъ еще дикими звѣрей, кои не укрощены и бѣгають по лѣсамъ, по чему и называются у насъ дикими тѣ, копорые живутъ по лѣсамъ.

Дик. Мы ходимъ въ лѣса такъ какъ и вы когда ходите на охоту.

Бак. Думаешь ли ты когда ни-будь?

Дик. Не лзя иногда чего ни-будь не думать.

Бак. Я очень бы желалъ знать твои мысли. Что ты думаешь о человекѣ?

Дик. Я думаю, что онъ есть животное о двухъ ногахъ, копорое имѣетъ способность разсуждать, говорить и смѣяться, и

Д

копо-

которое можетъ употреблять руки свои гораздо лучше, нежели обезъяна. Я видѣлъ разные роды сихъ животныхъ, видѣлъ бѣлыхъ такихъ какъ ты, рыжихъ, какъ я, и черныхъ такихъ, какіе у господина Кайенскаго Губернатора. У васъ борода, а у насъ оной нѣтъ: у Араповъ шерсть, а у насъ съ вами волосы. Говорятъ, что у васъ на Сѣверѣ люди бѣловолосые, у насъ же въ Америкѣ всѣ черноволосые. Больше я о человѣкѣ ничего не знаю.

Бак. Но о душѣ другъ мой, о душѣ, какія ты имѣешь понятія? Откуда она водворилась въ тебя; и что такое? что она дѣлаетъ? Какимъ образомъ дѣйствуетъ? и куда дѣвается?

Дик. Ничего не знаю. Я никогда души не видывалъ.

Бак. Постой. Думаешь ли ты, что скопы токмо машины?

Дик.

Дик. Оные кажутся мнѣ бытъ машинами, имѣющими чувства и память.

Бак. А ты господинѣ дикій, какое ты думаешь имѣть преимущество предѣ скотами?

Дик. Несравненно лучшую память, гораздо болѣе понятій и сверхъ того языкѣ производящій безпримѣрно болѣе голосовѣ нежели языкѣ у скотовѣ, да еще проворнѣйшія гораздо руки и способность при томѣ смѣляпся великимѣ умствователямѣ.

Бак. Но скажи пожалуй, какимѣ образомѣ ты всѣми сими способностями обладаешь? Какого свойства твой разумѣ? Какимѣ образомѣ оживотворяетѣ душа твоя тѣло? Всегда ли ты думаешь? и свободна ли твоя воля?

Дик. Довольно вопросовѣ! ты у меня спрашиваешь какимѣ образомѣ обладаю тѣмѣ, что Богѣ

даровалъ челоуѣку: вопросъ сей
точно таковъ, какъ бы ты у
меня спросилъ, какимъ образомъ
я родился? Поелику я челоуѣкъ,
то не должно ли мнѣ имѣть все-
го того, что составляетъ че-
лоуѣка, подобно какъ дерево имѣ-
етъ кору, коренье и листья? Ты
хочешь, что бы я зналъ, какого
свойства мой разумъ; но какъ я
не самъ себѣ оной далъ, то сего
и не знаю, а еще менѣе, какимъ
образомъ душа моя оживляетъ
тѣло. Я думаю, что прежде ви-
дѣть надобно главную пружи-
ну твоихъ часовъ, а по томъ
уже судить, какимъ образомъ
показываютъ онѣ время. Ты у
меня спрашиваешь; всегда ли я
думаю? Нѣтъ не всегда; иногда
имѣю я только темныя мы-
сли, когда вижу на примѣрѣ
предмѣтъ вдали; иногда имѣю
мысли ясныя, когда вижу пред-
мѣтъ близко и явственнo; ино-
гда

гда же не имѣю совсемъ никакихъ мыслей, а особливо когда зажмурю глаза и ничего не вижу. Еще спрашиваешь у меня, свободна ли моя воля? Но я тебя не разумѣю: прошу мнѣ изъяснить: ты безъ сомнѣнія имѣешь о таковыхъ вещахъ совершенное свѣденіе.

Бак. И конечно: я учился всему тому и могъ бы тебѣ о томъ говорить сряду цѣлой мѣсяцъ, но ты ничего не поймешь. Скажи пожалуй, знаешь ли ты, что добро и худо, что право и не право? Какое правленіе есть самое лучшее? Какое изъ Богопочитаній? Какое изъ правъ народныхъ, общественныхъ, гражданскихъ и церковныхъ? Кто былъ именемъ первый мужъ и первая жена, кои населили Америку? Знаешь ли ты, для чего на морѣ бываетъ дождь, и для чего у тебя нѣтъ бороды.

Дик. Ты конечно съ намѣреніемъ злоупотребляешь признаніе мое, что у меня болѣе памяти нежели у скоповъ. Я едва могу упомнить всѣ твои вопросы. Ты говоришь о злѣ и добрѣ, о правѣ и не правѣ. Мнѣ кажется, все то, что приноситъ намъ удовольствіе и не дѣлаетъ при томъ никому обиды, очень добро и справедливо; то же, что дѣлаетъ людямъ обиду и не приноситъ имъ никакого удовольствія скверно и гнусно; а что причиняетъ удовольствіе, но сопряжено при томъ со вредомъ другому, весьма для насъ опасно и худо для другихъ.

Бак. И съ такими правилами живете вы въ обществѣ.

Дик. Да, живемъ съ нашими родственниками и сосѣдями безъ дальнихъ безпокойствъ и неудовольствій лѣтъ по сему и болѣе, послѣ чего тѣло наше утучняется
шу

пу самую землю, ошѣ коея прежде оное тучнѣло.

Бак. Голова кажется у тебя хороша и мнѣ хочется ее вскружить: отобѣдаемъ вмѣстѣ, а послѣ станемъ философствовать порядочно.

Разговоръ второй.

Дик. Я наѣлся такого кушанья, которое кажется не по мнѣ, хотя въ прочемъ желудокъ у меня и весьма хорошъ. Ты заспавлялъ меня ѣсть и пить, когда уже мнѣ и не хотѣлось. Ноги мои теперь не столь крѣпки, какъ были до обѣда; голова стала инъ-желѣе и мысли помрачились. Такого ослабленія я не чувствовалъ никогда еще у себя дома. Здѣсь, чемъ полнѣе желудокъ накладываешь, тѣмъ болѣе кажется тебя убываетъ. Скажи пожалуй, что сему причиною?

Бак. Изволь. Во первыхъ, что касается до ослабленія ивоихъ ногъ, то я ничего не знаю, а вѣдающъ причину тому врачи, о чемъ можешь ты у нихъ спросить. Въ разсужденіи же того, что происходитъ въ твоей головѣ, то мнѣ очень извѣстно. Слушай: душа не имѣя никакого мѣста находится въ такъ называемой кегельной желѣзѣ посреди головы. Подымающіяся изъ желудка тонкія пары возходятъ къ душѣ, коей однако не могутъ касаться, поелику оныя вещеспивенны, а душа не вещественна. И какъ не могутъ другъ на друга дѣйствовать, то душа принимаетъ ихъ впечатлѣніе; но поелику оная существо простое, и слѣдовательно не можетъ имѣть никакой переменны, то оная переменяется, и дѣлается тяжелою, когда кто наѣлся много; и отъ сего то происходитъ,

дитѢ, что многіе великіе люди спяпѢ послѢ обѣда.

Дик. Слова твои кажутся мнѢ остроумными и глубокомысленными; но сдѣлай милость, разтолкуй мнѢ оныя такѢ, что бы я понялъ.

Бак. Я тебѢ все сказалѢ, что можно сказать о семѢ важномѢ предмѣтѢ: однако же во угождение тебѢ еще подробнѣе изъяснюсь. ПойдемѢ постепенно: знаешь ли ты, что сей свѣтѢ есть изѢ всѣхѢ возможныхѢ наилучшій.

Дик. КакѢ! не ужѣ ли безконечному и всемогущему существу не возможно сдѣлать чегонибудь лучшаго нами видимаго?

Бак. Конечно нѣтъ и видимое нами есть самое наилучшее. Правда, что люди другѢ друга грабятѢ и рѣжутѢ; однако они хвалятѢ всегда при томѢ кротость и правду. Нѣкогда побито ми-

лїоновъ съ двѣнадцать вашей
братїи Американцовъ, но то
было для того, что бы сдѣлать
прочихъ поумнѣе. Нѣкоторый
математикъ доказалъ, что со
времени Троянской войны, ко-
торой ты не знаешь, даже до
извѣстной тебѣ Акадской, по-
бито на порядочныхъ сраженї-
яхъ по крайней мѣрѣ пять сотъ
пятидесятъ пять милїоновъ,
шесть сотъ пятидесятъ тысячъ
человѣкъ, не считая ребятъ и
женъ избытыхъ по разореннымъ
городамъ; однако все то было
для общїя пользы. Четыреста
или пять сотъ жестокихъ бо-
лѣзней заставляютъ почтивать
здоровье, а пороки и преступле-
нїя наполняющїя землю возвы-
шаютъ достоинство кроткихъ
людей, въ числѣ коихъ считаю
и я себя. Ты видишь, что все
произходитъ въ свѣтѣ наилуч-
шимъ образомъ по крайней мѣрѣ
для

для меня. — Такого совершенства на свѣтѣ конечно бы не было, если бы душа не имѣла пребыванія своего въ кегельной желѣзѣ. Ибо... Но пойдѣмъ порядкомъ и тихонько: какое понятіе имѣешь ты о законахъ, о правдѣ и не правдѣ, о хорошемъ и о То-Калонъ, какъ по говоритъ Плашонъ?

Дик. Но, государь мой, ты намѣрившись говорить порядкомъ и тихонько, говоришь мнѣ вдругъ о тысячи вещахъ.

Бак. Въ разговорахъ иначе не бываетъ. — Скажи мнѣ, кто сочинялъ у васъ законы?

Дик. Общая польза.

Бак. Слово сіе значитъ не мало: мы сами сильнѣйшаго выраженія не знаемъ: но какъ ты оное разумѣешь?

Дик. Я разумѣю, что тѣ, кои имѣли у себя кокусовы деревья,
за-

запретили другимъ прикасаться къ онымъ и что нѣ, кои оныхъ у себя не имѣли, принуждены были работать, дабы имѣть право ѣсть отъ нихъ. Все, что я ни видѣлъ въ своей и въ вашей землѣ показываеиъ мнѣ, что нѣтъ инаго разума законовъ.

Бак. Но женщины господинъ дикій, что женщины?

Дик. Ну, что женщины! онѣ мнѣ очень нравятся, когда пригожи и скромны. Онѣ гораздо лучше нашихъ кокусовыхъ плодовъ, до коихъ мы не велимъ другимъ допрогиваться: взявъ у меня жену, столь же мало другой имѣетъ права, какъ и взять у меня сына. Говорятъ, что есть народы, кои за то не сердятся; они въ томъ вольны: всякъ можетъ дѣлать съ добромъ своимъ что хочетъ.

Бак.

Бак. Но наслѣдства и раздѣлы по прямой и побочной линіи?

Дик. Конечно надобно быть наслѣдствамъ; когда я не могу болѣе владѣть своимъ полемъ и нахожусь въ землѣ, то оставляю оное своему сыну; если у меня ихъ двое, то они оное поравну между собою раздѣляютъ. Я слышалъ, что у васъ и во многихъ другихъ еще мѣстахъ по законамъ достаеися все имѣніе старшему сыну, а младшимъ ничего; таковыя законы писаны конечно корыстолюбіемъ и введены въ обычай старшими дѣтьми.

Бак. Какіе по мнѣнію твоему наилучшіе законы?

Дик. Тѣ, въ коихъ наиболѣе уважается общая польза намъ подобныхъ.

Бак. Гдѣ такіе законы?

Дик. Сколько я слышалъ, ни гдѣ.

Бак.

Бак. Но скажи мнѣ, откуда взялись у васъ люди? и кто населилъ у васъ Америку?

Дик. Мы думаемъ, что Богъ.

Бак. Эпо не отвѣтъ. Я спрашиваю изъ которой земли вышли первые ваши жители.

Дик. Изъ той, изъ которой и наши деревья. Вы господа Европейскіе обитатели кажется очень забавны, что думаете будто бы мы ничего не могли имѣть безъ васъ. Мы столько же имѣемъ права думать, что мы ваши опцы, какъ вы воображаете себя бышь нашими.

Бак. Вотъ Дикій довольно упрямый!

Дик. Вотъ Бакалавръ довольно шутливый!

Бак. Г. дикій, еще одно слово, думаютъ ли у васъ въ Тріянѣ, что надобно умерщвлять людей, которые не одного съ нами мнѣнія.

Дик.

Дик. Думаютъ, но съ тѣмъ,
что бы ихъ ѣсть.

Бак. Ты шутишь. А о сложеніи
человѣка, что думаешь?

Дик. Прощай! добро.

ПЕВОВАРЪ

С. М. К. Ю. И. И. С. А.

УЧЕБНИКЪ И ПОСОБИЕ

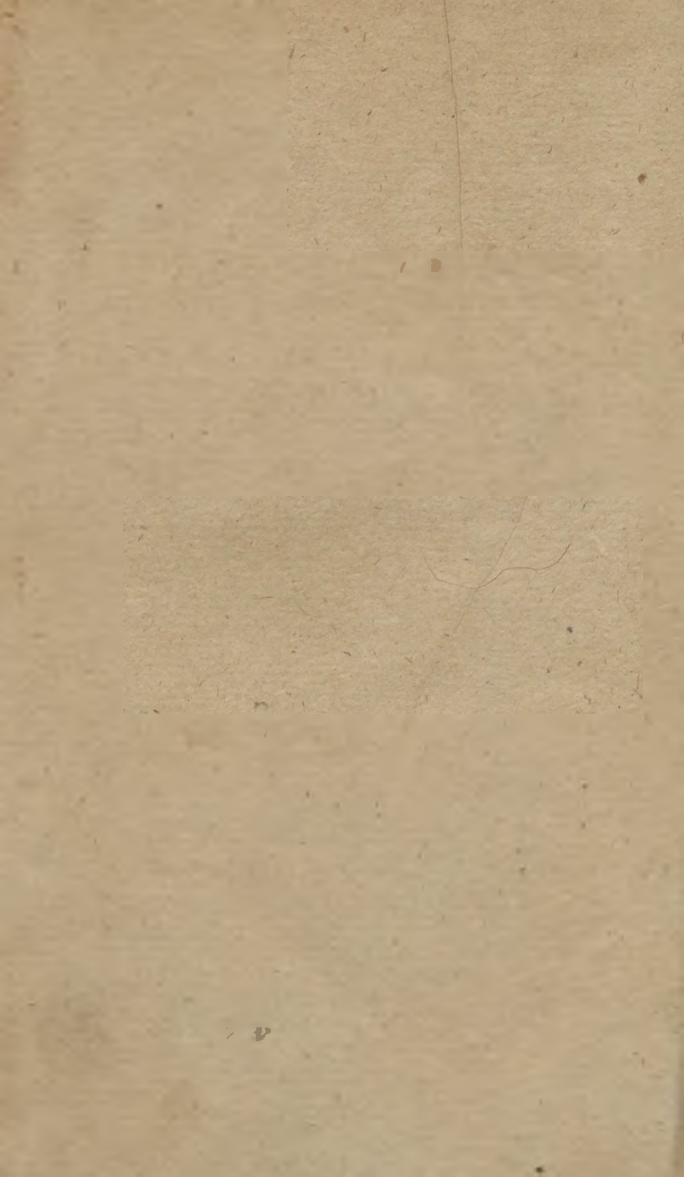
КНИЖНИКЪ И ПОСОБИЕ

УЧЕБНИКЪ И ПОСОБИЕ

УЧЕБНИКЪ И ПОСОБИЕ

УЧЕБНИКЪ И ПОСОБИЕ

Рис

ГПБ Русский фонд

18.80.6.9.